

УДК 81'373.612.2

ВАРЬИРОВАНИЕ СМЫСЛА В МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ МЕТАФОРАХ НА ПРИМЕРЕ ТЕХНИЧЕСКОЙ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Светлана А. Панкратова^а, @, ID

^а Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, 191119, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Правды, д. 13

@ svetpankrat@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-2623-1726>

Поступила в редакцию 01.05.2018. Принята к печати 02.07.2018.

Ключевые слова:

многокомпонентная метафора, холизм, образ, фрейм, когнитивно-прагматический потенциал, эвристика, диафора.

Аннотация: В статье рассмотрено варьирование смысла в многокомпонентных метафорах на примере технической семантической сферы английского языка. Цель статьи состоит в том, чтобы продемонстрировать эвристический потенциал многокомпонентной метафоры, значимый для описания метафоризации как смыслопорождения в прагматических целях воздействия на картину мира адресата. Метод комплексного моделирования эвристического потенциала в пределах концептосферы позволил рассмотреть однокомпонентные и многокомпонентные метафоры на предмет их непротиворечивости и прагматической направленности. Выводы к статье постулируют, что благодаря эвристическому моделированию и холистическому подходу к анализу многокомпонентных метафор оказывается возможным идентификация заблуждений, верований, мифов и предрассудков, базирующихся на технической образности. Общая эмотивная направленность технической метафоры направлена на описание дисфункции. Рекомендации к статье предлагают вдумчивый подход в применении технических метафор, что позволит выявить манипулирование общественным сознанием, выявить ошибочность представления о человеке как машине.

Для цитирования: Панкратова С. А. Варьирование смысла в многокомпонентных метафорах на примере технической семантической сферы английского языка // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 203–209. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-203-209>.

Человек и его познавательные способности всегда были в центре внимания когнитивной науки. В наши дни актуальным подходом к изучению многозначности в языке является холистический (от греч. *hólos* – целый, весь) когнитивный подход, предполагающий целостный подход к изучению сложных явлений. Сам термин «холизм» предложил Я. Смэтс в книге «Holism and evolution» еще в 1926 г. Целостность в холизме трактуется как высшее философское понятие, синтезирующее в себе объективное и субъективное начало, а высшей формой органической целостности признается человеческая личность, развивающая себя и преобразующая мир в ходе творческой эволюции.

Такой новый целостный поворот к человеку и его мышлению стал возможен в связи с когнитивным переворотом конца XX – начала XXI вв., ознаменовавшем постепенный отход от эмпиризма с его главными критериями объективности, интересубъективности, универсализма, всеобщности, воспроизводимости, достоверности и опытности. Целостность – это не только связь элементов, но и включение новых аспектов в картину мира

и познавательные тактики индивида. Инклюзивный подход к познанию подразумевает учет физической и эмоциональной природы познающего субъекта в противоположность объективистской отстранённости и «нейтральности», зачастую переходящей в скептицизм и непонимание. В связи с этим в поле зрения когнитологов попал ряд нерешенных проблем. Это неоднозначное, порой двойственное восприятие, связь телесности и языка, разнообразные эффекты долговременной и кратковременной памяти, воображения и даже образность мышления, метафоричность, не всегда отвечающие требованию объективности отражения реальности.

Поскольку холизм является новым подходом в области когнитивистики, он нуждается в обосновании. Во-первых, познание начинается не с беспристрастного обобщения фактов, а с гипотезы, которая интуитивно направляет изыскания. Ученые-объективисты, видящие в метафоре псевдообъяснение, зачастую склонны оперировать образными терминами типа «теория большого взрыва», однако, дальнейшее развитие метафоры «взрыва» в русле холистических взглядов способно выявить

ее возможный потенциал и недостатки. Во-вторых, о субъективно-личностной природе познания свидетельствуют сами имена теорий (платонизм, картезианство). В связи с этим возникает проблема необходимости учета образности как познавательного ресурса, коль скоро и сами теории есть продукт выдающихся человеческих мыслительных усилий. В-третьих, если рассматривать познание как математически-количественное измерение, оно окажется редуцировано, отсечено от всесторонне-качественного, холистического описания. В-четвертых, познание по своим методам – не всегда логически выверенное рассуждение, в котором учитывается вся доступная информация, принимаются во внимание все возможные последствия и выдается оптимальное решение. Следуя классическому, рационально-медлительному способу мышления, человек мог бы и не выжить на земле. Познание нередко происходит в режиме цейтнота и недостатка информации. В-пятых, познание стремится не столько к истинному знанию, сколько к рациональной приемлемости, согласованности наших мнений друг с другом и с опытом. Новый, холистический тип рациональности воспринимает новые способы рассуждений, будь то художественный образ, миф, символ или обыденное мнение, стереотип, догадка, парадокс. Все эти формы должны считаться ценными примерами опыта живых мыслящих существ, выражением многообразия познавательного процесса, изучение которых позволит восполнить ход когнитивного процесса, найти его недостающие звенья.

Таким образом, холизм знаменует появление нового, постклассического типа рациональности, признающего реальность обыденного и наивного знания, реальность межличностных отношений и даже виртуальную реальность. Познание в связи с этим трактуется отнюдь не как пассивный процесс «зеркального» отражения мира. Человек активно выдвигает гипотезы, задаётся вопросами, экспериментирует, при этом не всё знание осознаётся, информация о реальности изначально неполна, требует дополнения и перепроверки, а психика гораздо богаче воспринимаемого мира. В холистической парадигме познание никогда не было расчленением познаваемого объекта на составные части, а всегда рассматривалось как заинтересованный, настойчивый процесс человеческого приближения к истине, который порождает целую серию концептуальных репрезентаций действительности. И лишь в последующем оказывается, что каждая новая репрезентация приближается к глубинной природе вещей [1].

Итак, познание может быть как научным (объективным, логичным, системным, неопровержи-

мым), так и обыденно-интуитивным (опыт поколений, наивные, обиходные представления). Холизм теоретически охватывает оба способа когниции и обосновывает множественность репрезентаций такого инструмента, как метафора, которая прежде рассматривалась всего лишь как троп, украшение речи. Метафора, а тем более сложная метафора, противоположна логике и объективистской картине мира с её строгими методами научного познания. Ряд положений новой, холистической теории образности, обобщенных Л. В. Кульчицкой, говорит о том, что метафора вездесуща в речи, а для ее восприятия необходимо особое когнитивное состояние, обусловленное холистическим, т. е. целостным взглядом на ситуацию.

Одним из наиболее важных для раскрытия темы нашей статьи (речь идет о многокомпонентных метафорах) является постулат формы объективации когнитивного метафорического состояния. Он гласит, что по своей форме когнитивные метафоры – это развёрнутые (сложные, неединичные) метафоры. Естественно, что метафоры регулярны в речи, и за счет этой регулярности и обеспечивается тематическая связанность воспроизводимых в дискурсивных практиках людей в виде «скоплений» метафор (*metaphor clusters*) [2, p. 200]. В свою очередь связанность влечет за собой динамическую реакцию «ответа метафорой на метафору» и выражается в непроизвольном побуждении участника разговора продолжить беседу в метафорической манере, заданной инициатором. Естественным следствием из языкового бытия сложных метафор является постулат о рассогласовании, ибо никакая сложная метафора не может быть непротиворечиво развернута вне пределов «магического» числа (пять плюс-минус два) [3, с. 48].

Холизм как методологический подход дает нам представление о том, как происходит взаимодействие метафорического представления (образа) и понятия. Из вышеперечисленных постулатов следует, что метафора сложна, многокомпонентна, дискурсивна и противоречива. Многокомпонентная метафора в связи с холистическим подходом к познанию несравненно выигрывает как когнитивный инструмент. Многокомпонентная метафора «обладает большей областью референции и придает внутреннюю связность (англ.: *cohesion*) большим «кускам» реальности, помогая преодолевать хаос ощущений»¹ [4, p. 28–30].

Предложенная нами новая типология метафор в зависимости от их когнитивно-семантических оснований позволяет совершенно по-иному взглянуть на процессы метафоризации, четко отграничить метафоры по степени их эвристичности, определив, какие метафоры способствуют концептуализации

¹ перевод автора.

непознанного и оказанию ориентирующего воздействия. Как нам представляется, новизна современной теории метафоры состоит именно в ее расширенном, холистичном, более инклюзивном аппликативном потенциале, который проявляется в индивидуальных, авторских, экспрессивных метафорах. Осознавая необходимость рассмотрения метафоризации в единой системе когнитивно-прагматических координат, мы выдвигаем понятие эвристического метафорического выбора, который определяется рядом факторов: а) тип источника (объект-артефакт или концепт), б) тип цели (техническая или иная сфера), в) тип упаковки (единичная или многокомпонентная метафора), г) презумпция истинности (явная или неявная правдоподобность), д) степень непротиворечивости многокомпонентной метафоры, е) инклюзивная / эксклюзивная референция.

Многокомпонентность метафоры тесно связана с понятием эвристического потенциала. Это способность метафорической модели за счет вариации инкорпорируемых концептуальных единиц приводить к не единственному, но интуитивно приемлемому описанию проблемных вопросов, помогающему выйти из познавательных затруднений и наводящему на решение проблем. Как отмечает М. В. Никитин, многообразие возможных решений о выборе той или иной модели метафоризации заложено в вероятностной структуре импликационных признаков, а конкретное семантическое наполнение слова совершается в речи как мыслительное действие отбора семантических признаков из импликационала первичного значения слова [5].

Если обратиться к отечественным разработкам, многие авторы задумываются о потенциале лексических единиц. Лингвистика оказывается необычайно современной в том плане, что обращается к познавательной функции языка, стремится изучить её и понять, «как, что и о чём» люди думают, пользуясь словами и формами слов» [6, с. 294].

Об особой «шкале признаков» рассуждал М. Блэк, основоположник теории метафоры [7]. Если ориентироваться по этой «шкале», полагал автор, возможно выделить «фокус» основного значения, т. е. основную идею, которую подчёркивает домен-источник. Как будет показано далее, для технической сферы это фокус-идея поломки и дисфункции. Наша гипотеза гласит, что в количественном плане *эвристический потенциал развёрнутых образных схем неравнозначен и варьирует от минимального (единичная метафора) до максимального (двойная, тройная и множественная метафора)*. В идеале включение в комплекс новых признаков должно усиливать одну систему импликаций, позволяя достичь максимального освещения и более глубокого понимания ситуации. Однако, включение новых компонентов в множественную метафорическую модель происходит по-разному, с разной степенью

полноты и непротиворечивости, а продемонстрировать это – задача нашей статьи.

На современном этапе наблюдается некоторая методологическая слабость анализа метафоризации, проявляющаяся в том, что отбор материала во многих случаях ограничен взятыми вне контекста или намеренно сконструированными примерами. Наш многолетний опыт сбора метафорических примеров из оригинальных художественных произведений английских и американских авторов позволил составить картотеку и глоссарий метафоризируемых технических понятий, обозначающих инструментарий, технические процессы и связанные с ними свойства, всего 116 единиц.

По нашим подсчетам это самая обширная онтологическая сфера наряду с другой ведущей сферой – естественно-природной, включающей 108 единиц. Количественный подсчет показывает, что следующие по убыванию места в иерархии предметных метафор занимают метафоры пути (66 единиц), закона (66 единиц), войны (62 единицы), финансов (53 единицы) и др. Для изучения эвристического потенциала метафоризации технической концептосферы была привлечена фрейм-организационная структура, содержащая слоты с глагольными, субстантивными и адъективными метафорами.

Имя фрейма: *Technology*:

- объектный слот № 1: battery, by-product, chain, cog, edge, electricity, electric spark, friction;
- локативный слот № 2: assembly line, boiler, computer, dynamo, engine, factory, machine, mechanism;
- инструментальный слот № 3: equipment, know how, screw, spanner, wedge, standard, tools;
- иницирующий слот № 5: accumulate, adapt, adjust, caliper, charge, click, equip, fasten, fuel;
- процессуальный слот № 6: accelerate, amalgamate, bend, calibrate, carve out, cut both ways, engrave;
- результирующий слот № 7: break, chip away, corrode, fix, hammer out, produce, recharge, recycle;
- качественный слот № 8: automatic, blunt, cast-iron, clear-cut, defective, dented, disposable, elastic.

На основании слотовой структуры фрейма технических метафор уже можно заключить, что главное в нем – манипуляции с предметами, направленные на устранение неполадок. Выдвинутое предположение можно подкрепить рядом примеров.

Итак, существует обширная группа единичных метафор, по типу источника обслуживающих мир человека (исходный концепт *Man*). Судя по презумпции истинности – это явно неправдоподобные метафоры, ибо люди – не роботы в буквальном смысле слова. Как мы полагаем, минимум когнитивных усилий требует обиходная клишированная прототипная метафора-ярлык *Man > Mechanism*, она напрямую именуется объектом и прагматически ответственна. В ней актантом является человек, который мыслит зачастую автоматически, работает

иногда вхолостую, а его мозг ржавеет от безделья [8, с. 23]. Двух примеров, говорящих о людях как о роботах, будет достаточно для иллюстрации: 1. *After a long moment he nodded, perhaps seeing her as a person and not a tool or a nicely shaped piece of meat* [9]; 2. *Bobby felt his heartbeat accelerate* [10]. (1. После долгой паузы он кивнул, быть может разглядев в ней человека, а не инструмент и не изящных форм кусок мяса; 2. Бобби чувствовал как ускоряется его сердцебиение²). Выводы из анализа метафоризации единичных технических метафор позволяют сформировать цельную когнитивную модель: человек это робот, инструмент, включенный в жизнь, от него ожидают исправности.

Далее, комбинаторика двухкомпонентных метафор показывает, что они обслуживают мир человека (исходный концепт *Man*). Здесь также имеется негативизм коннотации, речь идет о поломке и дисфункции механизмов. Если прибегнуть к формулам, можно сказать, что эвристический потенциал двойных метафор равняется два со знаком минус: 1. *James could almost hear the wheels in his brain grinding* [10]. (Джеймс практически слышал как вращаются шестеренки в его голове). Двухкомпонентная техническая метафора (букв.: колеса вращаются): 2. *Relationships are very fragile, though. ... They break easily* [11]. (Отношения очень хрупкие, они легко ломаются). Двухкомпонентная техническая метафора (букв.: хрупкие отношения ломаются) позволяет думать, что это весьма прагматически ценные метафоры, ибо они сплавляют в одном контексте источник (человек), цель (технический термин) и делают это согласованно дважды (to repair+wedge). Сам факт согласованности достоин похвалы, ибо тот, кто способен соединить ряд технических образов – весьма компетентный в этой сфере человек. Для этого требуется минимальное знание закономерностей техники и навык метафоризации. По своей коннотации двойные технические метафоры пейоративны, т.к. налицо явный негативизм, повествующий о поломке и дисфункции механизмов.

Наконец, существуют многокомпонентные метафоры технической сферы: 1. *If our relationship was a battery, my time overseas was continually draining it and we both needed time to recharge* [12]. (Если наши отношения сравнить с батареей, то мои заграничные поездки истощали ее и нам обоим нужно было перезарядиться). В первом из примеров трехкомпонентная техническая метафора может быть буквально перефразирована как отношения – это разряженная батарейка, требующая подзарядки. В следующем примере мы наблюдаем четырехкомпонентную техническую метафору, говорящую о том, что мир – перемалывающий или

подгоняющий в свои слоты механизм: 2. *The world rolled over them: it ground them down and made them fit into their slots. If they wouldn't grind down and wouldn't fit, it broke them* [13]. (Мир прокатился по ним, он перемолол их и заставил встроиться в свои слоты. Если они не хотели перемалываться и встраиваться, он ломал их). Вывод из анализа многокомпонентных метафор: они являются прагматически ценными, ибо сплавляют в одном контексте источник (человек), цель (технический термин) и делают это согласованно трижды и более раз (to grind+fit+break+slots). Комплексные метафоры когнитивно салиентны, они рисуют продуцирующего их как некоего эксперта в области техники. Для создания комплексной технической метафоры требуется основательное знание закономерностей техники и навык метафоризации. По своей коннотации комплексные технические метафоры пейоративны, т.к. налицо явный негативизм повествования об исчерпаемости технических ресурсов и недееспособности механизмов. Вспомним, что речь идет о механизме, который обладает энергией и раз за разом нуждается в подзарядке. При этом человек должен подходить в слоты житейской машины, иначе мир его переработает и сломает: *Life is like a ticking clock with a long hand and a bell. A man's battery is draining and needs to be recharged. A man must into the slots in life or the world will grind and break him* [8].

Однако, следует отметить, что существуют и противоречивые серийные метафоры с техническим ареолом, поддерживающие прототипную метафору *Man>Mechanism*. Мы полагаем, что соположенность в одном контексте, а также смена серийных противоречивых метафор, – это особый сигнал. Он указывает на то, что человек находится в активном поиске обозначения мучающего его концепта, которому пока не находит имени и поэтому приводит целые метафорические «цепочки». В нижеприведенном примере человек уподоблен оси механизма, затем рулю корабля (переход к морской сфере), затем говорится о занимаемом poste (законодательная сфера): *Guy never realized till now how much she was the linchpin of the family, its rudder. It was as if she had left her post* [14]. (Гай до этого не осознавал, насколько она служила осью их семьи, ее рулевым механизмом. Это было похоже на то, как если бы она покинула свой пост). Что же такое противоречивые, конфликтующие метафоры? Это описание референта в отдельном лингвокреативном фрагменте несогласованными типами метафор. Конфликтующие метафоры являются естественным выражением временного логического сбоя уже выстроенных схем, который особенно рельефно дает о себе знать в периоды

² Здесь и далее по тексту статьи перевод примеров сделан автором.

появления революционных новых теорий, противоречащих общепринятым. Следует отметить, что противоречие часто служит для создания эффекта иронии и сарказма. Ирония в нижеприведенных примерах в том, что есть конфликт между сопоставляемыми областями (человек и механизм, радар и лезвие). Нельзя сказать, что подобное противоречие есть результат творческой небрежности, отсутствия продуманного соположения двух разнотипных метафор: 1) *they snaked south, into the welcoming embrace of the US war machine* [10] (они потянулись на юг, в теплые объятия американской военной машины). В другом примере снова мы сталкиваемся с противоречием как показателем сарказма, предполагающего, что человек максимально оснащен для непростых отношений, он настороже: 2) *Andy's relationship radar is razor sharp* [15] (мужественное чутье у Энди было острым как радар).

Суммируя вышесказанное о природе многокомпонентной метафоры, отметим, что взятая в качестве примера техническая метафора весьма плодотворна в образном плане, если судить по наполненности 116 слотов технического фрейма единицами технической направленности. Общая эмоциональная направленность технической метафоры отнюдь не радужная, результирующие слоты говорят о поломке и дисфункции. Большинство технических метафор единичны, что требует минимум когнитивных усилий на их создание, а результатом является клишированная метафора-ярлык, которая напрямую именует объект и прагматически ответственна. Поскольку «в процессе коммуникации говорящий осуществляет отбор языковых средств, прежде всего, исходя из собственного иллюкативного намерения и коммуникативной ситуации» [16, с. 127–128], мы можем прийти к обоснованному выводу о том, что применение технических (тем более многокомпонентных) метафор является мар-

кированным. Оно свидетельствует о важности технической сферы для современности. Технические метафоры применяются повсеместно, шаблоны, позволяют избегать углубленного анализа, вселяют в номинирующего ощущение причастности к языковой среде, к социуму, столь уважающему технику. При этом стереотипы и шаблоны усыпляют критическую настороженность, создавая идеальные условия для манипулирования. Техническая сфера как оплот объективизма проявляется в самом образе мыслей современного человека, который предпочитает думать о себе как об осмыслительном, о разумном и реалистичном существе.

Рассудочное накопление знаний сделало человека активным, хладнокровным, здравомыслящим, благоразумным, осторожным. Об этом же говорит Р. Хиггинс, называя современных людей «скороспелыми всезнайками, которые подавляют в себе примитивного ребёнка и становятся грубо односторонними, забывая, что душе нужны передыха, юмор, остроумие, искусство и простота взаимоотношений» [17, с. 38]. Всё вышесказанное позволяет считать наметившийся в последнее время метафорологический сдвиг, прежде всего, холистическим когнитивным сдвигом в способах мышления. Анализ многокомпонентной метафоры позволяет «встать на точку зрения» носителя языка с целью посмотреть, какими знаниями и прагматическими установками он обладает, какие ассоциативные связи релевантны для человека. К сожалению, несмотря на то, что знание эвристического потенциала в принципе способно переориентировать ход мысли, развенчать очевидность стереотипных метафор человека-машины, оно не гарантирует преодоление психологической инерции, обусловленной привычным образом мышления и типовыми методами решения задач.

Литература

1. Микешина Л. А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования. М.: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005. 464 с.
2. Cameron L. Metaphor and Talk // The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought / ed. Raymond W. Gibbs, Jr. N. Y.: Cambridge University Press, 2008. P. 197–211.
3. Кульчицкая Л. В. Живая и мёртвая метафора: Лингвистическая «верификация» современных гипотез когнитивной теории метафор // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 1. С. 40–50.
4. Johansson S. R. The Brain's Software: The Natural Languages and Poetic Information Processing // The machine as metaphor and tool. Berlin: Heidelberg, N. Y.: Springer-Verlag, 1993. P. 9–45.
5. Никитин М. В. Основания когнитивной семантики. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. 277 с.
6. Психоллингвистика в очерках и извлечениях / под ред. В. К. Радзиховской. М.: Академия, 2003. 464 с.
7. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 153–173.
8. Панкратова С. А. Когнитивно-семантические механизмы метафоризации в современном английском языке: автореф. ... д-ра филол. наук. СПб., 2014. 34 с.
9. Turtledove H. The Center Cannot Hold. Random House Publishers, 2002. 500 p.
10. Owen W. F. Blackfoot Is Missing. London: Arrow, 2004. 392 p.
11. Sasser Ch. W. OSS Commando. Hitler's A-Bomb. N. Y.: Harper Collins, 2008. 303 p.
12. Notaro A. Back after the Break. London: A Bantam Book, 2003. 446 p.

13. Sparks N. The Choice. N. Y.: Hachette Book USA, 2006. 317 p.
14. Kneale M. Small Crimes in the Age of Abundance. London: Picador, 2005. 324 p.
15. Edwards-Jones I. Pop Babylon. London: Transworld Publishers, 2008. 370 p.
16. Вьяльк К. Э. Интенсификация эксплицитных отрицательных моделей в современном испанском языке // Когнитивные исследования языка. 2016. № 26. С. 127–129.
17. Хиггинс Р. Седьмой враг. Человеческий фактор в глобальном кризисе // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности / сост. Л. И. Василенко, В. Е. Ермолаева. М.: Прогресс, 1990. С. 34–55.

VARIATIONS OF MEANING WITHIN MULTIUNIT METAPHORS IN THE TECHNICAL SEMANTIC SPHERE OF THE ENGLISH LANGUAGE

Svetlana A. Pankratova^{a, @, ID}

^a St. Petersburg State University of Film and Television, 13, Pravda St., St. Petersburg, Russia, 191119

@svetpankrat@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-2623-1726>

Received 01.05.2018. Accepted 02.07.2018.

Keywords: multiunit metaphor, holism, image, cognitive-pragmatic potential, heuristics, diaphora.

Abstract: The research features variations of meaning within multiunit metaphors in the technical conceptual sphere of the English language. Its objective was to reveal the heuristic potential of the multiunit metaphor, which contributes to the description of the metaphoric process pragmatically directed at changing the addressee's worldview. The author employed the method of the complex heuristic potential modeling within a conceptual sphere, thus disclosing the nature of one-, two- and multiunit metaphors as non-contradictory and pragmatically charged. The heuristic potential modeling and the holistic approach to the multiunit metaphor makes it possible to identify misconceptions, beliefs and myths based on technical metaphors. The general emotive key of the technical metaphor is negative as it reveals the process of breakage and malfunction. The author states that technical metaphors have to be used with caution in order to avoid manipulation and reveal the false character of the *Man Is Machine* metaphor.

For citation: Pankratova S. A. Var'irovanie smysla v mnogokomponentnykh metaforakh na primere tekhnicheskoi semanticheskoi sfery angliiskogo iazyka [Variations of Meaning within Multiunit Metaphors in the Technical Semantic Sphere of the English Language]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2018): 203–209. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-203-209>.

References

1. Mikeshina L. A. *Philosophiia nauki: Sovremennaiia epistemologiya. Nauchnoe znanie v dinamike kultury. Metodologiya nauchnogo issledovaniia* [Philosophy of Science: Modern epistemology. Scientific knowledge in the dynamics of culture. Methodology of scientific research]. Moscow: Progress-Traditsiia: MPSI: Flinta, 2005, 464.
2. Cameron L. Metaphor and Talk. *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*. Ed. Raymond W. Gibbs, Jr. N. Y.: Cambridge University Press, 2008, 197–211.
3. Koultschitskaya L. V. Zhivaia i Mertaia Metaphora: Lingvisticheskaia "verifikatsiia" sovremennykh gipotez kognitivnoi teorii metaphor [Metaphors trite or genuine: linguistic "verification" of current conceptual metaphor hypotheses]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki = Issues of Cognitive Linguistics*, no. 1 (2012): 40–50.
4. Johansson S. R. The Brain's Software: The Natural Languages and Poetic Information Processing. *The machine as metaphor and tool*. Berlin: Heidelberg, N. Y.: Springer-Verlag, 1993, 9–45.
5. Nikitin M. V. *Osnovaniia kognitivnoi semantiki* [The foundations of cognitive semantics]. Saint-Petersburg: Izd-vo RGPU im A. I. Gertsena, 2003, 277.
6. *Psikholingvistika v ocherkakh i izvlecheniiakh* [Psycholinguistics in essays and extracts]. Ed. Radzikhovskaya V. K. Moscow: Akademiia, 2003, 464.
7. Black M. Metaphora [Metaphor]. *Teoriia metaphory* [Theory of metaphor]. Moscow: Progress, 1990, 153–173.

8. Pankratova S. A. *Kognitivno-semanticheskie mekhanizmy metaphorizatsii v sovremennom angliiskom iazyke*. Avtoref. doktora philol. nauk [Cognitive-semantic mechanisms of metaphorization in the modern English language. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr.]. Saint-Petersburg, 2014, 34.
9. Turtledove H. *The Center Cannot Hold*. Random House Publishers, 2002, 500.
10. Owen W. F. *Blackfoot Is Missing*. London: Arrow, 2004, 392.
11. Sasser Ch. W. *OSS Commando. Hitler's A-Bomb*. N. Y.: Harper Collins, 2008, 303.
12. Notaro A. *Back after the Break*. London: A Bantam Book, 200, 446.
13. Sparks N. *The Choice*. N. Y.: Hachette Book USA, 2006, 317.
14. Kneale M. *Small Crimes in the Age of Abundance*. London: Picador, 2005, 324.
15. Edwards-Jones I. *Pop Babylon*. London: Transworld Publishers, 2008, 370.
16. Vyalyak K. E. Intensifikatsiia eksplitsitnykh otritsatel'nykh modelei v sovremennom ispanskom iazyke [Intensification of explicit negation models in contemporary Spanish]. *Kognitivnye issledovaniia iazyka = Cognitive language research*, no. 26 (2016): 127–129.
17. Higgins R. Sed'moi vrag. Chelovecheskii faktor v global'nom krizise [Seventh enemy. The Human Factor in the Global Crisis]. *Global'nye problemy i obshchechelovecheskie tsennosti* [Global Problems and Human Values]. Comp. Vasilenko L. I., Ermolaeva V. E. Moscow: Progress, 1990, 34–55.